

Эллинские поэты

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 2

УДК 82-1
ББК 84(0)3
Э47

Перевод с древнегреческого и комментарии В. В. Вересаева

Составление Е. А. Трофимова

Э47 **Эллинские поэты** : [антология] / [пер. с древнегреч., коммент. В. В. Вересаева ; сост. Е. А. Трофимова]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 258 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07284-9

В. В. Вересаев много лет посвятил переводам эллинской лирической и эпической поэзии. Ему принадлежат переводы «Илиады», «Одиссеи», поэм Гесиода. В эту антологию вошли произведения таких эллинских поэтов, как Архилох, Алкей, Сафо, Анакреон и другие.

УДК 82-1
ББК 84(0)3

ISBN 978-5-517-07284-9

© Трофимов Е. А., составление, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ГОМЕРОВЫ ГИМНЫ

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел
Аполлоне.

По́ дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
Только Лето́ остается близ молнелюбивого Зевса!
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомошных оружие снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Не́ктар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердце Лето веселится,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты
достоин.

Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила,
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На́ берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.

Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос труднодоступный,
Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корики,
Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,
Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров

не закрытый,

Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос,
Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:

«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище
сын мой,

Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет

подниматься...

.....

Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...

.....
От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».

Так говорила. И радостно Делос богине ответил:

«Верь мне, Лето, многославная дочь великого Кея:
С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рождение,
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
После же этого все бы почет мне оказывать стали.
Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
Неукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва,
И в многшумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить безобидно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет
на первом
Для провещения Божьих велений, и после того лишь...
.....
Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

«Этой Землею клянуся и Небом широким над нами,
Стикса подземно текущей водой, — меж богов всеблаженных
Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:

Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почитит он тебя перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собрались вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
Также другие. Лишь не было там белоколотной Геры.
Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернули обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде,
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Обе помчались, походкой подобные робким голубкам.

Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралася богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.

Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белую тканью повивши,
Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
Грудь своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нéктар Фемиды впустила в нетленные губы младенца
Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи
бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людам начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неиссчитанодорожной
Феб длинновласый, далёко стреляющий. Все же богини
Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.

Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон
дальнострельный,
То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревных;
Любы все вышки тебе, уходящие в небо вершины
Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,

Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними
бессильны.

Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгинуť:
Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки.
Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрю и Артемиду
Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье
приводят.

Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
Голос его, — до того хорошо их налажены песни.

Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон
с Артемидой!

Вам же, о девы, привет! Обо мне не забудьте и позже.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало,
и спросит:

«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем», —
Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.